

Стаття присвячена актуальній темі — визначенню та проведенню окремих слідчих дій при розслідуванні нападів на інкасаторів. Автором запропоновані варіанти проведення першочергових слідчих дій, таких як огляд, огляд місця події, допит підозрюваного і обвинуваченого, потерпілого і свідка, сформульовані криміналістичні рекомендації щодо проведення різних видів слідчого огляду, розроблений предмет допиту певних осіб.

Ключові слова: інкасатор, слідча дія, огляд місця події, допит.

Аннотация

Ващук А. П. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании нападений на инкасаторов. — Статья.

Статья посвящена актуальной теме — определению и проведению отдельных следственных действий при расследовании нападений на инкасаторов. Автором предложены варианты проведения первоочередных следственных действий, таких как осмотр, осмотр места происшествия, допрос подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, сформулированы криминалистические рекомендации по проведению различных видов следственного осмотра, разработан предмет допроса определенных лиц.

Ключевые слова: инкасатор, следственное действие, осмотр места происшествия, допрос.

Summary

Vaschuk O. P. Features a separate investigation in the investigation of attacks on the collectors. — Article.

Article is devoted to topical issue — the determination and conduct of the investigation when investigating attacks on the collectors. The author of the proposed options for the primary investigative actions such as scene examination, review, interview suspects and accused, victim and witness criminological formulated recommendations for various types of investigative reviews, developed interrogation subject to certain persons.

Keywords: animal, investigative action, review the scene, questioning.

УДК 34.03:(342/347)(477)

О. Осадчая

О ЗАКРЕПЛЕНИИ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ УКРАИНЫ

Для дальнейшего развития процессуальной ответственности весьма актуален вопрос о законодательном закреплении мер процессуальной ответственности в различных процессуальных актах. Предложения на этот счет уже высказывались учеными в рамках отраслевых наук. Среди них С. Н. Братусь, И. М. Зайцев, В. В. Бутнев, П. С. Элькин, Г. Н. Ветрова, З. Ф. Коврига, М. К. Треушников, Д. Д. Луспеник, С. В. Васильев, Е. Г. Лукьянова, М. И. Козюбра и др.

Цель данной статьи — обосновать развитие системы мер процессуальной ответственности и наметить необходимые направления совершенствования процессуального законодательства Украины.

Развитие законодательного закрепления процессуальной ответственности, по нашему мнению, должно осуществляться в следующих направлениях: во-первых, изменения должны коснуться законодательных конструкций, закрепля-

ющих компетенцию участников процесса: это касается участников процесса, обладающих властными полномочиями, так как четкое определение компетенции указанных субъектов позволяет без затруднений определить наличие таких процессуальных нарушений, как неисполнение (либо ненадлежащее исполнение) обязанностей или осуществление прав с превышением пределов (злоупотребление правом). Во многих законодательных актах достаточно нечетко закреплены права и обязанности государственных органов и должностных лиц. К тому же формулировка основания привлечения к ответственности, как правило, определяется в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, поскольку ответственность не устанавливается, то и нет ее нарушения. Следовательно, нет формального основания ответственности. Такое положение характерно как для неюрисдикционного процесса, так и для юрисдикционного процесса. Более 30 лет назад по отношению к гражданскому судопроизводству об этом писал В. В. Бутнев, указывая, что «эффективность применения мер процессуальной ответственности во многом зависит от четкости законодательного определения объекта процессуального нарушения — тех процессуальных обязанностей, за нарушение которых и устанавливаются меры ответственности» [1].

Что касается закрепления полномочий участников позитивного процесса, то примечательным в этом отношении является научное исследование коррупционности законодательства, проведенное Ю. А. Тихомировым и Э. В. Талапиной. В результате проделанной работы по анализу законодательства авторы отмечают, что типичными ошибками в определении компетенции государственного органа в законодательных актах являются: определение полномочий государственного органа по формуле «может», а не «обязан»; альтернативные полномочия государственного органа, расширяющие диапазон административного усмотрения; возможность самостоятельного определения своих полномочий и совершения действий. Можно согласиться с авторами этого исследования, что подобные недостатки, несовершенства законодательного закрепления компетенции обуславливают совершение «произвольных» и «нелегальных действий» государственными служащими [2]. Следует добавить, что отсутствие четкого определения прав и обязанностей влечет безответственность и безнаказанность за совершение произвольных действий (бездействий).

Можно утверждать, что первоначальной задачей по совершенствованию законодательства в области регулирования процессуальной деятельности субъектов является установление компетенции государственных органов и должностных лиц. Необходима четкая, детальная фиксация принадлежащих субъекту прав и обязанностей, что позволит выйти к реальному применению мер как материально-правовой, так и процессуальной ответственности.

Другой важной проблемой процессуальной ответственности выступает отсутствие во многих нормативных актах оснований применения мер процессуальной ответственности.

Исследования отраслевой процессуальной ответственности содержат указание на необходимость более конкретизированного перечня возможных процес-

суальних порушень, влекущих применение, в частности, таких мер, как санкция ничтожности или отстранения от дела следователя. Так, Н. А. Рассахатская акцентирует внимание на необходимости соблюдения письменной процессуальной формы документов, установления правил ее соблюдения, оснований применения мер ответственности за их несоблюдение: «Регламентируя порядок оформления процессуальных документов, состав реквизитов и последовательность их изложения в документе, письменная процессуальная форма будет полностью обеспечивать правомерность процессуальной деятельности лишь при условии включения в ее содержание правил, регулирующих последствия и ответственность за несоблюдение требований закона» [3]. Как отмечает автор, ответственность установлена за несоблюдение требований письменной процессуальной формы, применительно к судебным постановлениям (решениям, определениям), в то время как «отдельные процессуальные документы, в частности письменные заявления, ходатайства, возражения, подаваемые в письменной форме, практически лишены юридических санкций» [3]. Примечательно, что Н. А. Рассахатская, указывая на необходимость регламентировать такие последствия, как оставление без движения и в случае нарушения процессуальной формы письменных ходатайств, заявлений, возражений, считает, что «четко регламентируя порядок оформления процессуальных документов, устанавливая ответственность за его соблюдение, законодателем обеспечивается один из самых главных гарантов выполнения задач гражданской юрисдикции, высокой эффективности отправления правосудия по гражданским делам» [3].

Заслуживает внимания и мнение М. А. Гурвича, относительно основания применения санкций юридической ничтожности к решению суда: «В случаях несоблюдения формы, требуемой законом, решение следовало бы признавать недействительным или не имеющим законной силы, а не отменять его, так как документ, по закону дефектный, не удостоверяет наличия судебного акта — решения суда» [4]. Можно констатировать: если в сфере юрисдикционного процесса основания применения тех или иных мер все же закрепляются и задача состоит в их конкретизации, место в расширении перечня нарушений, то большинство нормативно-правовых актов, регулирующих процесс осуществления деятельности позитивного характера, не содержат указаний на то, какие нарушения могут являться основанием для применения процессуального воздействия.

Следующим направлением развития законодательной регламентации процессуальной ответственности является закрепление и расширение мер такой ответственности. Заметим, что неюрисдикционный процесс является наиболее незащищенным, так как практически отсутствует не только законодательное закрепление системы мер ответственности, процессуальных по своему содержанию, но и регулирование материально-правовой ответственности достаточно фрагментарно. Между тем в традиционных процессуальных отраслях права, где дана более детальная регламентация юрисдикционного процесса, система мер процессуальной ответственности сравнительно лучше развита. Исследования представителей отраслевой процессуальной науки содержат предложения

по совершенствованию используемой здесь системы мер процессуальной ответственности.

Интерес вызывает процессуальный опыт зарубежных стран. Так, ст. 84 Гражданско-процессуального кодекса Эстонии, помимо прочих оснований для отвода представителя, закрепляет п. 4 ч. 2: «Если суд придет к выводу, что представитель в ходе судебного разбирательства показал себя нечестным, несведущим или безответственным, суд вправе своим определением аннулировать его полномочия по ведению данного дела» [5]. Более того, в соответствии с той же статьей п. 1 ч. 4 адвокату, который оказал правовую помощь с нарушением порядка, установленного Законом об адвокатуре, и был исключен из адвокатуры, суд не разрешает выступать в качестве представителя по договору. Безусловно, в гражданском процессе доверитель может сам отказаться от представителя в случае его некомпетентности, в уголовном процессе следует предусмотреть возможность отвода назначаемого защитника по тому же основанию. Кроме того, на наш взгляд, положительной тенденцией будет повышение ответственности представителей путем закрепления в гражданском, уголовном, административном процессах положений, аналогичных процессуальным нормам Эстонии. Такая мера процессуальной ответственности, как отвод по причине некомпетентности, представляется эффективной мерой воздействия не только для представителей, но и для судей. Безусловно, судебные ошибки могут быть результатом несовершенства как материального, так и процессуального законодательства [6], но и недостаточную профессиональную подготовку не следует исключать из причин совершения судебных ошибок. В. И. Руднев отмечает: «Недостаточный уровень квалификации судей нередко проявляется в совершении ими профессиональных ошибок, которые становятся обычным явлением, к тому же порой не влекущим ответственности» [7]. По его мнению, совершение судьями профессиональной ошибки может свидетельствовать в одних случаях о его ненадлежащей квалификации, в других — о совершении им процессуальных злоупотреблений. В. И. Руднев считает, что ошибки, допускаемые судьями (например, неправильная оценка преступного деяния, необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства и т.п.), должны учитываться, регистрироваться в определенном реестре судебных ошибок и изучаться. А некомпетентность судьи следует рассматривать как основание для его отвода [7]. Кроме того, на наш взгляд, следует предоставить сторонам возможность доступа к информации подобного реестра, для того чтобы стороны могли иметь изначальное представление о квалификационной подготовке судьи. Более того, В. И. Руднев настаивает на признании некомпетентности судей основанием прекращения полномочий [8]. Думается, в данном случае основанием для прекращения полномочий будет выступать определенное количество отводов, заявленных судье по причине его ненадлежащей компетентности. Таким образом, некомпетентность судей может рассматриваться в качестве основания для применения не только мер процессуальной ответственности, но и мер материально-правовой ответственности. Представляется, что предложение В. И. Руднева о закреплении отвода судей по основанию их некомпетентности можно распростра-

нить на сферу неюрисдикционной деятельности государственных органов, должностных лиц. Иные государственные служащие, должностные лица, также как судьи, исполняют возложенные на них публичные обязанности, оказывают государственные услуги. Возможно, следует закрепить подобное основание для отстранения государственного служащего, осуществляющего регистрацию, лицензирование от исполнения обязанностей. То есть предусмотреть процедуру осуществления отвода (отстранения) государственных служащих в регистрационном, лицензионном, сертификационном процессах. Может быть, данные предложения будут сочтены законодателем эффективными, обеспечивающими на более высоком уровне защиту процессуальных прав человека и гражданина и получат соответствующую законодательную регламентацию.

Предложения более детальной регламентации деятельности по предоставлению публичных, управленческих услуг, способствующие повышению уровня процессуальной ответственности субъектов позитивного процесса, можно обнаружить в Концепции Конкурентного процессуального кодекса Украины, одобренного распоряжением Кабинета Министров Украины № 1450-р от 18 марта 2004 года, где предусматривается в структуре конкурентного процесса выделение двух «общих, сравнительно самостоятельных, вида производства: 1) в заявлениях и делах о предоставлении разрешения на согласованные действия и концентрацию, которое связано с предоставлением Комитетом управленческих услуг; 2) в заявлениях и делах о нарушении конкурентного законодательства, которое связано с проведением Комитетом деятельности по контролю за соблюдением этого законодательства, выявлением и прекращением его нарушений и применением мер государственного принуждения». В настоящем случае нас интересует первый вид процессуального производства. Согласно указанной Концепции, регламентация данного вида позитивной деятельности по предоставлению разрешений на согласованные действия Антимонопольным комитетом Украины предполагает установление «подведомственности рассмотрения заявлений и дел органам Комитета, основания, условия и порядок представления и принятия к рассмотрению заявления, требования к форме и содержанию заявления и документов, которые должны его сопровождать; порядок и сроки рассмотрения заявлений и дел; порядок обнаружения информации; обязательные и возможные процессуальные действия участников этого процесса» [9].

Развитие процессуального права является необходимым условием на пути демократизации Украины, и законодательным подтверждением стало принятие в 2006 году Кодекса административного судопроизводства Украины. В частности, раздел 6 КАС Украины обозначает меры процессуального принуждения, которые направлены на обеспечение исполнения правил административного судопроизводства, а также наделяет суд правовыми инструментами, процессуальными мерами, в частности мерами процессуальной ответственности, которые связаны с нарушениями правила, установленными в суде.

Меры процессуального принуждения — новый институт процессуального права, который имеет место также и в гражданско-процессуальном праве, и в

уголовно-процессуальном, хозяйственно-процессуальном праве, конституционно-процессуальном праве.

В гражданском процессе можно привести пример процессуальных фикций, такой правоприменительный приём, посредством которого субъект судопроизводства привлекается к правовой ответственности. Суть фикций заключается в том, что юридические последствия (в данном случае — привлечение к ответственности) закон связывает с заведомо не существующими обстоятельствами. С их помощью законодатель преодолевает им же установленный режим процессуального регулирования [10]. Так, например, непреложным требованием является обязательное извещение судом лиц, участвующих в деле, о времени и месте (ст. 75 ГПК), в противном случае постановляется определение об оставлении заявления без рассмотрения дела (ст. 207 ГПК). Если местожительство лица, которому адресована судебная повестка, не выявлено, повестку под расписку вручают кому-нибудь из совершеннолетних членов семьи, которые проживают вместе с ним, а при их отсутствии — соответствующей жилищно-эксплуатационной организации или исполнительному органу местного самоуправления (ст. 76 ГПК), и если лицо не явилось на судебное заседание, суд в праве рассматривать и разрешать дело. Аналогичное правило содержится в ст. 74 ГПК: Ответчик, местожительство (пребывание или работа) или местонахождение которого истцу неизвестно, даже после его обращения в адресное бюро и органы внутренних дел, вызывается в суд через объявление в печати. С опубликованием объявления о вызове ответчик считается уведомленным о времени и месте рассмотрения дела. На эти случаи распространяется правило ч. 4 этой статьи. Статьи 74 и 75 ГПК содержат юридические фикции: суд исходит из того, что сторона извещена надлежащим образом, хотя в действительности повестка не дошла до адресата и это известно суду.

Данные меры процессуальной ответственности мы не можем считать ни по характеру, ни по существу мерами гражданско-правовой, уголовной или какой-либо иной материально-правовой ответственностью. Таким образом, мы определяем, что процессуальное по характеру нарушение может быть обеспечено чисто процессуальными мерами ответственности.

В уголовном процессе примером закрепления мер процессуальной ответственности можно считать отмену или изменение незаконных актов (ч. 2 ст. 99 ч. 2 ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Украины и другие нормы), а также некоторые авторы относят к ним санкции принудительного исполнения [11], к числу которых относится привод свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого (ст. 136 УПК Украины и др.), отвод следователя и других участников процесса (ст. ст. 47–63 УПК Украины).

Ответственность, связанная с санкциями ничтожности, действует в основном в рамках доказательственного права и связана с признанием доказательств недопустимыми (ст. 67 УПК Украины), также реализация санкции на отмену прокурором незаконного решения (постановления) следователя (п. 2 ст. 227 УПК Украины) и др.

Также к мерам уголовно-процессуальной ответственности можно отнести меры, которые направлены на противодействие ненадлежащей реализации процессуальных прав со стороны лиц, участвующих в деле, целесообразно отнести также отказ в совершении определенного процессуального действия, которое лицо требует осуществить. Например, следователь мотивированно отказывает в удовлетворении необоснованного ходатайства о проведении определенного следственного действия (ст. 127 УПК Украины); судья, рассмотрев жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, оставляет жалобу без удовлетворения (п. 2 ч. 3 ст. 236 УПК Украина). Такая мера является наиболее простой и действенной, так как позволяет пресечь попытки злоупотребления субъективными процессуальными правами.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что на данный момент на законодательном уровне не наблюдается четкости и очерченности этого правового института, нет точной регламентации процессуальной ответственности. Законодательного закрепления требуют как содержание, так и процессуальная форма процессуальной ответственности; по сути, перспективы законодательного развития выражаются в более точной и детальной регламентации всех аспектов процессуальной деятельности, в том числе и процессуальной ответственности. Более четкая детализация процессуальной деятельности, как в юрисдикционном процессе, так и неюрисдикционном процессе, является показателем качества законодательного регулирования, с ее помощью будет обеспечиваться более высокий уровень правовой защищенности граждан Украины.

Литература

1. Бутнев В. В. Гражданское процессуальное правонарушение как основание гражданской процессуальной ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. — Тарту, 1989. — С. 140.
2. Талапина Э. В. Отчет о научно-исследовательской работе «Принципы деятельности и организационная структура единой системы ГФК в Российской Федерации» в части разработки методики диагностирования коррупциогенности законодательства / Э. В. Талапина, Ю. А. Тихомиров. — М., 2003.
3. Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Рассахатская. — Саратов, 1995. — С. 170.
4. Гурвич М. А. Решение советского суда в искомом производстве / М. А. Гурвич. — М., 1955. — С. 84.
5. ГПК Эстонии (принят Государственным Собранием 19 мая 1993 г.), постановление Президента Республики Эстонии от 9 июня 1993 г. № 112 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://icpo-vad.tripod.com/civprgu.html>
6. Красильников Б. В. Судебная ошибка по гражданскому делу как следствие несовершенства материального и процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Красильников. — М., 2002.
7. Руднев В. И. Некомпетентность судьи как основание для него его отвода и прекращения полномочий // Журнал российского права. — 2003. — № 7. — С. 39–43.
8. Концепция Конкурентного процессуального кодекса Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://amc.gov.ua/protcet/laws/konzepziya.html>
9. Зайцев И. М. О фикциях гражданского судопроизводства // Проблемы применения норм гражданского процессуального права : межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск, 1986. — С. 35–36.
10. Столмаков А. И. Правовосстановительные санкции в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. — 1982. — № 5. — С. 110–111.

Аннотация

Осадчая О. О. Закрепление мер процессуальной ответственности в законодательстве Украины. — Статья.

В статье обосновывается развитие системы мер процессуальной ответственности в законодательстве Украины. Анализируются основные направления развития законодательного закрепления процессуальной ответственности в различных сферах юридического процесса. Подчеркивается необходимость в законодательной регламентации процессуальной ответственности, закрепление и усовершенствование мер такой ответственности в действующем законодательстве Украины.

Ключевые слова: юридический процесс, процессуальная ответственность, меры процессуальной ответственности, закрепление мер процессуальной ответственности.

Анотація

Осадча О. Закріплення заходів процесуальної відповідальності у законодавстві України. — Стаття.

У статті обґрунтовується розвиток системи заходів процесуальної відповідальності в законодавстві України. Аналізуються основні напрями розвитку законодавчого закріплення процесуальної відповідальності в різних сферах юридичного процесу. Підкреслюється необхідність в законодавчій регламентації процесуальної відповідальності, закріплення і удосконалення заходів такої відповідальності в чинному законодавстві України.

Ключові слова: юридичний процес, процесуальна відповідальність, заходи процесуальної відповідальності, закріплення заходів процесуальної відповідальності.

Summary

Osadchaya O. O. Consolidation of measures of the procedural liability in legislation of Ukraine. — Article.

The article covers development of measures of procedural liability. The basic direction of development of legislative consolidation of the procedural liability in different spheres is being analyzed. Necessity for a legislative regulation of procedural liability is being stated and necessity of further development of such liability in the current legislation of Ukraine is underlined.

Keywords: legal process, procedural liability, measures of procedural liability, consolidation of measures of the procedural liability.

УДК 343.121.4

А. Б. Романюк

МЕТОДИКА ДОСЛІДЖЕННЯ ТА КРИТЕРІЇ ЕФЕКТИВНОСТІ ЗАХИСТУ В КРИМІНАЛЬНОМУ ПРОЦЕСІ

Розробка методики вивчення ефективності правових категорій починається з виявлення можливих методів, тобто конкретних способів, що спроможні дати позитивні результати у дослідженні їх ефективності [1, 12].

Проблеми ефективності права чи правозастосовчої діяльності особливо активно досліджувалися науковцями у 1960–1980-ті роки, що дозволило говорити про виділення у межах загальноправової науки теорії ефективності права. Велика увага присвячувалася і дослідженням ефективності захисту в кримінальному судочинстві. Цієї теми торкалися у своїх працях Я. С. Аврах, О. Д. Бойков, З. З. Зінатулін, С. С. Левін, І. А. Лібус, П. Ф. Пашкевич,